

испанского хрониста, епископа Бенито Херонимо Фейхо, о римских императорах-испанцах в опубликованной в 1730 г. *Glorias de España*. Рикар отмечает, что характеристики Фейхо императоров и его суждения о завоевании Испании Римом представляют интерес с точки зрения мировоззрения ученого епископа, но они лишены всякой ценности как исторический источник. Так, Фейхо пишет, что «захват Испании римлянами, который мог бы казаться позором и бесчестьем, напротив, послужил к славе страны. Никогда бы Испания не дала императоров Риму, если бы Рим не сделал ее своей провинцией». Рикар приводит зарисовки Фейхо римских императоров: «Траян, имевший свои недостатки, был конечно великим императором, его победы приумножили Империю, он был настоящим отцом народа, справедливым и милосердным, неутомимым строителем. Адриан отличался своим прилежанием к делам, своими неутомимыми путешествиями в целях контроля, своим интересом к литературе, наукам и искусству, своей обширной личной культурой». (К характеристике Адриана Фейхо возвращается и позднее, в 1743 г. и высказывает строгое суждение о «подозрительности императора, его извращенных правах и безрассудной страсти к Антиною»). Феодосий определяется Фейхо как благородный, и восхищение им возрастает: «Феодосий представляет новый мир; это великий христианский император, счастливый предводитель, благородный в политических делах, милосердный, справедливый, свобододолюбивый, религиозный, скромный, приветливый и еще более великий, чем Константин, весьма терпимый к арианской ереси, такой же великий, как Карл Великий». Рикар отмечает, что включение Фейхо трех римских императоров в *Glorias de España* свидетельствует, что для него не существовало никакого перерыва между Испанией римской и Испанией его эпохи: эта последняя родилась от той и ее продолжала. Как отмечает Фейхо в начале: «его целью было показать Испании современной Испании древнюю, Испанию сегодняшнего дня — славные деяния их предков, сыновьям — заслуги отцов». У Фейхо приведены некоторые свидетельства древних

об испанцах: Фукидида, Диодора Сицилийского, Юстина, Страбона, Тита Ливия и др. Он сообщает также о войнах Ганнибала в Испании, об осаде Сагунта, о Вирiate, Сертории, об осаде Нуманции и, наконец, о войнах Цезаря и Августа, приведших к подчинению всей страны. Во второй части своего труда Фейхо повествует о латинских авторах, которые родились в Испании, среди них Сенека, Помпоний Мела, Квинтилиан, Лукан, Марциал, Орозий и др. (Фейхо отмечает, что «Испания дала двух Цицеронов — Квинтилиана и Сенеку, в то время как Италия произвела только одного, а другие народы и ни одного»).

Рикар определяет морально-историческую концепцию Фейхо в вопросе о характере, целях и интересах государства. Он прослеживает также традицию такого рода свидетельств в других хрониках типа *Laudes Hispaniae*.

В качестве приложения в томе докладов дано сообщение о двух фрагментарных надписях из муниципия Мунгуи, посвященных Адриану²¹; надписи содержат только титулатуру Адриана, число его консульств и трибунской власти, что датирует надписи 132 г.

Как мы могли уже видеть из изложенного, тематика докладов была разнообразной. Знакомство с докладами бесполезно для историка-античника самого различного профиля. Одни из них, посвященные общим вопросам, представляют более широкий интерес. Другие весьма содержательны в просопографическом отношении. Часть докладов заслуживает внимания с точки зрения культурно-политической и внешнеполитической истории Империи. Некоторые доклады важны для истории отдельных городов. Оценивая высоко научно-исследовательский уровень докладов и их фактическое содержание, мы не можем не отметить, что некоторые из докладов отличает преувеличенная и идеализированная оценка личности Адриана и его политики.

Ю. К. Колосовская

²¹ Fernandez-Chicarro y de Dios, *Dos nuevas inscripciones alusivas al emperador Hadriano*, стр. 305—307.

AGATHIAE MYRINAE Historiarum libri quinque recensuit R. Keydell, Apud Walter de Gruyter et socios, Berolini, 1937, XL + 232 стр.

В серии «Corpus Fontium Historiae Byzantinae», первым томом которой было сочинение Константина Багрянородного «Об управлении империей», вторым вышло новое издание «Истории» Агафий, подготовленное Р. Кейделем.

Агафий Миринейский (VI в. н. э.) с полным правом может быть отнесен к числу последних позднеантичных писателей¹. Он начинал свою литературную

¹ О его взглядах см., помимо указан-

деятельность с эпиграммы, и его поэтические сочинения остаются в кругу традиционных тем и образов античной поэзии². Платон остается для него авторитетом, в эпиграммах, и в «Истории» он прямо отсылает к Платону в введении к историческому сочинению (§ 9, стр. 5, 1: аллюзия на Plat., Phaedr. 245a³) — и это несмотря на закрытие неоплатонической школы в Афинах! Он живет в мире античных традиций: он ссылается на таких греческих авторов, как Аристотель, Геродот, Диодор, Ксенофонт (список далеко не полный). Предмет истории для него (I, 1, 2, стр. 10, 4—6), как и для его античных предшественников, — прежде всего войны — и любопытно отметить, что византийские историки в дальнейшем, несмотря на сильное влияние Агафия (особенно на Льва Диакона в X в.), постепенно меняют тематику и все больше сосредоточиваются на событиях внутренней жизни (достаточно сослаться на Михаила Пселла в XI в. и Никиту Хонната в XII в.).

Христианство почти не затронуло Агафия или затронуло чисто внешне: в трех эпиграммах он касается христианских образов, несколько раз упоминает «христиан» в «Истории» [франки были христианами, придерживавшимися правой веры (I, 2, 4, стр. 11, 14—15); Стефана христиане считают первым добровольно пострадавшим за веру (III, 5, 7, стр. 89, 14—17); Юстин решает идти в храм, весьма почитаемый христианами (III, 24, 7, стр. 116, 8—10)] — однако он не упоминает Христа и о божестве предпочитает говорить, пользуясь философскими категориями $\tau\acute{o}$ $\theta\epsilon\acute{\iota}\omega\nu$, $\tau\acute{o}$ $\alpha\rho\alpha\theta\acute{\epsilon}\nu$, $\tau\acute{o}$ $\kappa\rho\epsilon\acute{\iota}\tau\tau\omega\nu$. Движущую силу исторического процесса он усматривает не в неразумной судьбе ($\pi\alpha\rho\alpha\lambda\acute{\beta}\omega\varsigma$ $\alpha\nu\acute{\alpha}\gamma\kappa\iota\alpha\varsigma$) и не в божественной причине ($\tau\acute{o}$ $\theta\epsilon\acute{\iota}\omega\nu$ $\alpha\iota\tau\iota\omega\nu$), а в свободной воле людей (I, 1, 3—5, стр. 10, 6—17). О богословских спорах своего времени, касавшихся проблем при-

роды ($\phi\acute{o}\varsigma\iota\varsigma$) и сущности ($\oups\iota\sigma\iota\alpha$) божества и того, могло ли оно страдать ($\tau\acute{o}$ $\pi\alpha\theta\eta\tau\acute{\epsilon}\nu$) и было ли неслитым ($\tau\acute{o}$ $\alpha\acute{\xi}\epsilon\chi\eta\tau\omega\nu$), — терминология Агафия отчетливо намекает на тринитарно-христологические дискуссии тех лет, — он отзывается с насмешкой, считая недопустимым, чтобы неграмотное простонародье касалось сложных проблем теологии (II, 29, 2—3, стр. 78, 13—19).

Продолжатель Прокопия Кесарийского, Агафий принадлежал к тому же социальному и культурному кругу, но, по верному наблюдению И. Ирмшера, он «человек второго поколения», он не отваживался на Прокопиеву фронтальную и не решался на откровенный агностицизм. Боевой задор позднеантичной аристократии постепенно сходил на нет.

«История» Агафия начинается с того момента, на котором остановился Прокопий, и охватывает 552—559 гг.⁴ Для этого времени она является основным источником, существенным не только для Восточной Римской империи, но и для ее соседей. В частности, он очень подробно рассказывает о лазах (иначе колхах) и о других народах Кавказа.

Сочинение Агафия давно уже вошло в научный оборот. В 1516 г. появился латинский перевод Христофора Персоны (1416—1486), сотрудника известного кардинала Исихора, основанный, как полагает Кейдель (стр. XV), на какой-то ныне утраченной рукописи. В 1594 г. Б. Вулканкий издал греческий текст по Лейденской рукописи XIV в. Текст Вулканкий переиздавался несколько раз, а в 1828 г. Б. Нибур переработал его с привлечением позднего (XVI в.) списка (Rehdigeranus 11), ныне принадлежащего Вроцлавскому университету, перевода Персоны и некоторых экскерптов из Агафия, сохранившихся в «Суде» и других византийских сочинениях. Издание Нибура⁵ — оно было несколько раз перепечатано, в том числе Л. Диндорфом с некоторыми эмendaциями⁶ — служило исследователям Агафия до последнего времени.

ного Кейделем: J. Irmischer, Die geistige Situation der Intelligenz im Zeitalter Justinians, в кн. F. Altheim, R. Stiehl, Die Araber in der alten Welt, Bd. IV, B., 1967, стр. 354—357; на русском языке: М. В. Левченко, Византийский историк Агафий Миринейский и его мировоззрение, «Виз. врем.», III, 1950, стр. 62—84.

² Краткие замечания об Агафии-поэте см. также «История греческой литературы», III, М., 1960, стр. 132 сл. Сборник эпиграмм Агафия относят обычно ко времени Юстиниана I, однако сравнительно недавно он был датирован началом царствования Юстиниана II, примерно 567—568 гг. (Av. and Al. Cameron, The Cicle of Agathias, JHS, 86, 1966, стр. 23 сл.).

³ См. русский перевод: Платон, Избранные диалоги, М., 1965, стр. 208.

⁴ Вестник древней истории, № 3

⁴ Так правильно — Кейдель (стр. VIII), тогда как обычно в качестве последней даты указывают 558 г. См., например, Gy. Moravcsik, Byzantinoturcica, I, B., 1958, стр. 215; «История Византии», I, М., 1967, стр. 30. Однако Агафий доводит свое повествование до похода Заберхана на Константинополь и его отступления (V, 20—25, стр. 189—197); поход же Заберхана, который прежде относили к 558 г., теперь датируется 559 г. (см. уже А. П. Дьяконов, Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII веков, ВДИ, 1946, № 1, стр. 23).

⁵ Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque, Bonnae, 1828.

⁶ Historici graeci minores, ed. L. Dindorf, vol. 2, Lips., 1871, стр. 132—392.

Рецензируемая книга отличается от издания Нибура прежде всего расширением рукописного фонда. Кейдель привлек ряд манускриптов, в том числе Vatic. gr. 151, пергамен X—XI вв. Эта рукопись весьма интересна для истории русской культуры: она побывала в Москве, о чем свидетельствует русская помета на л. 189 об.: «Господину князю великому Василию Дмитриевичу бьет чолом сирота тва Иванъ» (Василий Дмитриевич правил в 1389—1425 гг.). Первая часть пергаменной рукописи была потеряна и заменена бумажной, переписанной, как показал Дж. Меркати, русским митрополитом Исидором, который позднее стал римским кардиналом⁷. Весьма вероятно, что Исидор и увез манускрипт из Москвы в Италию...

Кейдель очень тщательно выясняет соотношение сохранившихся рукописей, приходит к выводу, что они представляют собой параллельные, на зависящие друг от друга редакции (кроме двух случаев); поэтому нельзя было положить в основу издания одну рукопись или группу рукописей, но приходилось учитывать всю их совокупность. Поэтому выбор вариантов был для издателя свободным, обусловленным только языковыми нормами (стр. XXXV), т. е. в немалой степени произвольным.

Некоторые конъектуры, предложенные Кейделем, весьма существенны. Так, в IV, 1, 4 (стр. 123,2) Нибура (и вслед за ним Диндорф) читал *ἀναχωχῆς τῶν θεῶν γεγενημένων* вместо рукописного *τῶν θεῶν ἐκείνης* или *ἐκείνης* — Кейдель отводит поправку Нибура и предлагает более близкую к манускриптам *τῶν ἐκείνη*. В V, 23,5 (стр. 194,19) он исправляет *ναυαγίων φορῶν* на *φορῶν*, в V, 10,1 (стр. 175,31) предлагает добавить *πέρπτον* <καὶ δέκατον>, имея в виду, что эпидемия чумы случилась не в пятый, а в пятнадцатый год правления Юстиниана⁸ — она действительно приходится на 542 г. Однако подобные поправки сравнительно немногочисленны. Так, в § 1 кн. II, помимо орфографической правки (*ἐκέλευε τὰ πολέμια* вместо *ἐκέλευεν*, *ῥόνας* вместо *ῥόνας*), в сравнении с изданием Диндорфа имеет место лишь одно отклонение (к тому же не оговоренное в аппарате!): Кейдель добавляет после *πορρίχτην* (стр. 40,5) *τινα ἐνὸπλιον* (одна-

ко у Нибура эти слова имелись). Обильные *variae lectiones* многочисленных манускриптов, собрание которых потребовало от издателя колоссальных усилий, к сожалению, далеко не всегда приносят адекватный результат.

Критический аппарат содержит, помимо *variae lectiones*⁹, раскрытие цитат и аллюзий, а также очень скупые реальные примечания, преимущественно датировки упомянутых Агафием событий. Книга завершается удобными индексами на латинском языке: именным, административных терминов и грамматическим (стр. 198—232).

В издании Нибура «История» Агафия сопровождалась его эпиграммами — можно лишь пожалеть, что Кейдель не включил их в свою книгу.

Изданию предшествует введение, основная часть которого отведена разбору рукописной традиции. Кроме того, мы найдем там биографию Агафия (стр. VII сл.), изложение содержания «Истории» (стр. VIII—X), сводку свидетельств византийских авторов об Агафии (стр. X сл.) и библиографию (стр. XXXVI—XL). От какого-либо анализа текста (исторического или стилистического) Кейдель столь же решительно отказался, как и от его комментирования.

О жизни Агафия известно немного. Кейдель не сообщает новых фактов, но предлагает новые датировки. Обычно считают, что Агафий родился около 536 г.¹⁰ Кейдель отодвигает его рождение к 530 г. (стр. VII). Он исходит из того, что Агафий обучался праву в Александрии (II, 15,7, стр. 60,15—16) во время землетрясения не 554 г., как было принято считать до сих пор, но 551 г. К сожалению, Кейдель не обосновывает во введении новую датировку, а в примечании к соответствующему месту (стр. 59) просто отсылает к книге Э. Штейна¹¹, — однако замечание Штейна также лишено какой бы то ни было аргументации — он сам отмечает, что Агафий говорит об этом событии сразу же после рассказа о войнах в Италии, доведенного до 555 г., начиная его словами: «В том же году, летом». Ав. и Ал. Кэмпроны также склоняются к датировке Штейна, однако не считают проблему решенной Штейном и отсылают к своей монографии, которая еще должна

⁷ См. G. Mercati, *Scritti d'Isidoro il cardinale ruteno*, Roma, 1926, стр. 65. Об Исидоре, помимо указанной Кейделем литературы, см. Б. Я. Рамм, Папство и Русь в X—XV вв., М., 1959, стр. 225—237.

⁸ О чуме при Юстиниане см. в недавней работе: А. Н. Алексеев, О так называемой чуме в Афинах, ВДИ, 1966, № 3, стр. 129—132. Ср. также E. Stein, *Histoire du Bas-Empire*, II, Paris — Bruxelles — Amsterdam, 1949, стр. 758—761.

⁹ Мне кажется, что в аппарате следовало бы учесть наблюдения Д. Моравчика (см. прим. 4) относительно транскрипции гунских и родственных имен, основанные, в частности, на ряде рукописей Агафия.

¹⁰ См., например, последние справочники: *Tusculum-Lexicon*, München, 1963, стр. 10; «Сов. истор. энциклопедия», I, М., 1961, стб. 155.

¹¹ E. Stein, *Histoire du Bas-Empire*, t. II, стр. 757, прим. 5.

выйти¹². Следовательно, необходимо еще ждать, прежде чем мы сможем принять (или отвергнуть) новую датировку: пока можно только сказать, что отнесение Кэмпронами сборника эпиграмм Агафия к 567—568 гг. противоречит дате его рождения, отстаиваемой Кейделем и ими. В самом деле, Агафий говорит о своем поэтическом творчестве как о юношеских (νεανικά) занятиях (Введение, стр. 5, 3—4), что, конечно, мало подходило бы человеку 35—37 лет.

Библиография Кейделя открывается списком изданий и переводов «Истории» Агафия (как полных, так и во фрагментах). В нем опущено издание фрагментов, относящихся к Кавказу, выполненное С. Г. Каухчишвили с параллельным грузинским переводом¹³. Опущены так-

¹² Av. and Al. Cameron, *The Cicile...*, стр. 8; 19; ср. стр. 11. В. Грюмель — уже после работ Штейна — считал, что Александрию затронуло землетрясение 554 г. (V. Grumel, *Chronologie*, P., 1958, стр. 478).

¹³ S. Kauchtschischvili, *Georgica. Scriptorum byzantinorum excerpta ad Georgiam pertinentia*, Tphiliis, 1936, стр. 23—187. Текст издан по Диндорфу с указанием небольшого числа рукописных *variae lectiones*, причем некоторые из них не приняты во внимание Кейделем (см., например, стр. 154,

же все русские переводы Агафия, в том числе полный перевод М. В. Левченко¹⁴. Этот пропуск тем более досаждает, что русские переводы отмечены были уже Моравчиком.

Список литературы составлен по неясному принципу: Кейдель включал туда работы, не учтенные Моравчиком, а также труды по критике текста и грамматике (стр. XXXIX, прим. 56). Работ об Агафии не так уж много, и было бы естественным привести здесь полный список — книга бы выросла всего на 1—2 страницы. Из неучтенных работ об Агафии укажу еще: N. B. Tomadakis, 'Αγαθίου τοῦ Σχολαστικοῦ ἐπιγράμματα ἐπιτάξιον εἰς τὴν αὐτοῦ μητέρα, 'Επιστημ. 'Επετηρίς Φιλολογ. Σχολῆς Πανεπιστημίου Ἀθηνῶν. Περίοδ. Β', т. 8, 1957/58.

В общем и целом издание Кейделя обладает всеми достоинствами и недостатками чисто филологических работ. Но главное в нем сделано: оно дает надежный текст важного источника.

А. П. Каждан

прим. 1 к IV, 12, 1, стр. 137, 12). Текст снабжен введением, библиографией и рядом реальных примечаний.

¹⁴ Агафий, О царствовании Юстиниана, М.—Л., 1953.